

Елена Баранчикова

Фрида

Пьеса в трех действиях

2015

Действующие лица:

Фрида Кало – художница

Диего Ривера – художник

Тина Модотти – итальянка, подруга Фриды

Чавела Варгас – певица, подруга Фриды

Исаму Ногучи – скульптор-авангардист

Катильда – мать Фриды

Гильермо – отец Фриды

Луле Мартин – бывшая жена Диего

Натурщица

Американец

Действие первое

Картина первая

(На улицах – празднование. На столбах – огромные Иуды из папье-маше, которых сжигают, вспоминая о предавшем Иисуса (в Мексике к смерти относятся празднично)).

Фрида эффектно одета. На ней ожерелье в национальном стиле из терракотовых бусин, символизирующее жертвоприношение. В косе, которая обвита вокруг головы, цветы из ярких лент. Ее талия туго затянута, с одного плеча спадает мексиканская шаль.

Подруга итальянка Тина Модотти фотографирует. У обеих в руках черепа из сахара).

Фрида: Тина, сейчас он вспыхнет (показывает на раскачивающегося Иуду), такой разноцветный, он разлетится на кусочки!

Смотри, этот милый сахарный черепок, кажется, улыбается мне и подмигивает (*любуется сахарным черепом*). Правда, очаровательный! (*начинает его есть*).

Тина: Не буду своего есть, слишком сладкий. Тебе можно с твоей осиной талией. (*Показывает на высокого полного мужчину*). Смотри, Ривьера, это Диего. Наверняка не одного такого съел и ничуть не страдает.

Фрида (*подхватывает насмешливый тон*): Да старый Фасто, пожиратель женщин!

Тина: Ты еще не знакома с ним? (*подходит Диего*).

Диего: Привет, моя итальянская дива в ударе? Какие новости? Вижу, вы заняты поеданием праздничных сладостей! (*хочет уйти*).

Тина (*шутливо подначивает*): Будь со мной. Милый, не уклоняйся от ответственности (*смеется*). Знакомься, это Магдалена Кармен Фриде Кало-и-Кальдерон, а это художник Диего Мария де ла Консепсьон Хуан Непомусено Эстанислао де ла Ривера и Баррьентос Акоста и Родригес.

Фрида: Придется выучить его родословную. Диего Мария де ла Консепсьон Хуан Непомусено Эстанислао де ла Ривера и Баррьентос Акоста и Родригес, можно обратиться к вам? Начну с просьбы. Могли бы вы посмотреть мои работы?

Диего: Да, да, конечно. Однако сейчас я занят, спешу, мне пора (*собирается уходить*).

Фрида (*замешкавшись*): Я тоже, пожалуй, пойду. Нужно зайти к Кристине, обещала сестру сводить на праздник. (*Еще раз обращается к Диего*). Надеюсь, заглянете как-нибудь ко мне в мастерскую? Приходите завтра утром. До свидания. Жду с нетерпением (*удаляется*).

Диего (*вдогонку*): Где я могу посмотреть ваши работы? Вы забыли сообщить, куда мне прийти. Где ваша мастерская?

Фрида: Тина все объяснит, она знает (*уходит*). Пока, пока!

(*Праздничный фейерверк озаряет Иуду. Раздаются выстрелы. Толпа ликует, кричит и веселится, чучела загораются*).

Диего (*восторженно смотрит в след Фриде*): Какая у нее, однако, красивая грудь! Сотворил же Господь такое чудо.

Карина вторая

(*Патио, вход в дом охраняют Иуды из папье-маше. Вечереет. Диего стучится в дверь*).

Диего: Добрый вечер! Фрида. Я сдержал свое слово, как и обещал, пришел посмотреть твои картины. Прости, что задержался, днем не было ни минуты свободного времени, смог освободиться только к вечеру.

Фрида: Здравствуйте, Диего Мария де ла Консепсьон Хуан Непомусэно Эстанислао де ла Ривера и Баррьентос Акоста и Родригес, очень рада, тронута вашим вниманием.

(Оба смеются. Диего заходит в комнату, с интересом разглядывая окружающие предметы).

Диего: Мне нравится этот стиль, как и твой наряд, кстати *(берет в руки фигурку богини плодородия)*.

Фрида *(смущенно)*: Давайте договоримся, что вы будете искренни и предельно откровенны. Хочу, чтобы вы оценили их как профессионал. Скажите, получится ли из меня художник и стоит ли продолжать это занятие.

(Диего смотрит на картины и какое-то время молчит).

Диего *(без сомнения)*: Уверен, ты должна заниматься только живописью. Кстати, не возражаешь, что я перешел на «ты»? *(Пауза)*.

Фрида: Ничего, хотя, если откровенно, я не в восторге от этого. Я не нуждаюсь в комплиментах, лучше говорите начистоту.

Диего: В твоих картинах боль и настоящее, не придуманное, а пережитое.

Фрида: Для многих главное – добиться успеха, стать кем-то. У меня нет амбиций, я презираю тщеславие. Вы действительно полагаете, что мне следует продолжать или лучше подыскать себе другое занятие?

Диего *(внезапно меняя тон)*: Твой талант пробьет себе дорогу. За него, думаю, стоит выпить. Я захватил с собой текилу *(открывает бутылку, Фрида достает из серванта бокалы)*. Пью за тебя и твое будущее, а еще за твою молодость! Ты еще так молода, у тебя впереди целая жизнь. *(Они чокаются и пьют)*.

Фрида: Вы говорите это с тоской! Неужели комплексуете по поводу своего возраста? У вас впереди еще добрая половина. Вам этого мало? Вообще-то не стоит гневить Господа, забегать вперед, каждому отмеряно свое.

Диего: Я атеист, у меня иной взгляд на вещи. Все гораздо проще и одновременно гораздо сложнее *(подмигивает ей)*. Ты просила быть откровенным с тобой? Признаюсь, мои мысли не только о твоих картинах. Я думаю о тебе.

Фрида: Вот как!

Диего: На свете все же есть то, что случается помимо нашей воли. Похоже, сейчас со мной происходит то самое необъяснимое, чем наделила нас природа, и за что мы должны быть ей бесконечно благодарны.

Фрида: А как же искусство?

Диего: Я полон надежд и желаний, это то-то и питает настоящее искусство. Открою тебе тайну, именно в этом мой секрет (*подмигивает ей*) и подлинный источник вдохновения.

(Диего пытается поцеловать Фриду, звучит испанская гитара).

Диего: Алый цветок твоего кактуса уже раскрылся, чтобы получить пыльцу, принесенную ветром... Текила на твоих губах говорит мне о том, что ты хочешь, но, похоже, ты сейчас настроена противиться своим желаниям. Ты всегда сопротивляешься жизни? (*Пауза*).

Фрида: У меня в голове полно крохотных паучков и всяких мелких букашек.

Диего: Надо плыть по течению, не бояться глубины, чтобы ощутить все прелести. Ты же, я вижу, хочешь зайти только по щиколотку, не замочив платья.

Фрида: Цвет окружающих предметов слишком мучает меня. Мне кажется, что я в мире иллюзий (*нервно закуривает*). Я живу этим, я поглощена цветом. Например, коричневый для меня – это цвет соуса моле, увядающих листьев, земли (*появляются коричневые блики*).

(Пауза). А от желтого я всегда жду сумасшествия, болезни, страхов, это солнце и луна. Все призраки носят одежду этого цвета (*желтый постепенно переходит в голубой*). Голубой для меня – электричество и чистота, любовь. Зеленый – листва, грусть, цвет плохих новостей и успешных дел. Ничего не бывает по-настоящему черным, ни-че-го. Я точно знаю это. Красный – Кровь? Кто знает? (*пауза*). Это все во мне, внутри...

Диего: Скажи, почему твои картины передают состояние боли?

Фрида: Мне надо многое рассказать, хочу, чтобы ты знал. ...Все началось с ужасной боли в ноге. Ее мыли в тазе с ореховой водой и вытирали горячим полотенцем, но это не помогло... Нога осталась худой. «Фрида – деревянная нога!» Вначале я считала, что эти шутки не будут меня задевать, потом стала злиться, чем дальше, тем больше...

...Самое страшное в моей жизни случилось после того, как мы сели в автобус. Я потеряла зонт, мы вышли, чтобы его найти. Так я оказалась в автобусе, который разорвал меня в клочья. Трамвай повернул, автобус оказался зажатым между ним и стеной.

...Первое, о чем я подумала, о пестрой безделушке, которую купила, попыталась найти ее. Неправда, будто в первую минуту люди осознают, что с ними произошло и плачут. Я не плакала. ...Обломок ступени автобуса пронзил меня, как шпага пронзает быка. Прохожий, видя, что я истекаю кровью, положил меня на бильярдный стол, дальше обо мне позаботился Красный Крест (*поворачивается к Диего, на ее лице нет смущения*).

Так я потеряла невинность. У меня была повреждена почка, я не могла мочиться, хуже всего было с позвоночником. Я попросила известить родных. Матильда узнала обо всем из

газет, три месяца не отходила от меня. Когда сказали сестре, Адриана упала в обморок. Мать была в шоке, так и не навестила меня. Отец от расстройства заболел.

Ты даже не представляешь, как было больно, когда меня поворачивали в кровати, я проливала потоки слез, впрочем, собачьему визгу и женским слезам верить нельзя *(пытается улыбнуться)*.

Диего: Ты не похожа на других женщин. Твои блестящие глаза обезоруживают *(близко подходит к Фриде)*.

...Когда мне было полтора года, умер мой брат-близнец Карлос, мать от горя заболела, свои чувства я перенес на кормилицу, индеанку Антонию. Ее осанка напоминает твою. Она высоко держит голову, словно несет тяжесть... Для меня это идеал женщины, я изображаю ее по памяти в длинном красном платье. Теперь буду рисовать и тебя, мой экзотический цветок *(страстно обнимает Фриду)*.

Картина третья

(Диего влюбленно смотрит на позирующую ему Фриду, нежно дотрагиваясь до ее лица. Кажется, их разговор не прерывался).

Фрида *(задумчиво подходит к зеркалу и смотрит на свое отражение)*: Мне было шесть, когда я вообразила, что дружу с девочкой. Я подышала на оконное стекло, оно выходило на улицу Альенде. Окно запотело, я пальцем нарисовала дверь... В воображении я выходила через эту дверь, добиралась до молочной «Пинсон»... Входила в букву «О» этого слова, спускалась внутрь земли, где меня ждала воображаемая подруга.

Не помню, как она выглядела. Она много беззвучно смеялась, танцевала так, будто была невесомой. Я повторяла ее движения и делилась с ней тайнами. Она знала обо мне все... Я возвращалась через дверь в стекле. Я была счастлива, бежала в дальний угол патио и там плакала, пораженная, что я одна и так живо помню маленькую девочку.

Диего *(игриво)*: Подруга такая же красивая? *(Его тон становится серьезным)*.

Ты – Дух Посады, в нем – гримаса смерти и воспоминание о красоте индейского народа. Он открыл мне страну, где жизнь и смерть переплетаются, преподал урок: ничто нельзя выразить, если не опереться на чувство. Душа шедевра именно в силе чувства *(пауза)*.

...Много домов я видел, иногда настолько жалких, что они походили на норы, но в каждом я видел цветы, картины или гирлянды из разноцветной бумаги, – это словно алтарь, где поклонялись религии цвета.

Фрида: Ты рассматриваешь меня как натурщицу!

(Диего молча гладит Фриду по голове, пристально смотрит на нее невидящим взглядом. В голосе Фриды появляется экспрессия). Необузданный мужчина! Ты вихрь, полный неожиданностей.

Диего: Когда ты ничей, тебе принадлежит весь мир. ..

Фрида (*зажимает рукой ему губы, не давая ему говорить, затем закрывает свои глаза рукой и как слепая трогает Диего*): Хочу все запомнить: громадную фигуру, мягкое выражение лица и твои маленькие беспокойные руки. От тебя исходит первобытная сила. Перед твоим магнетизмом нельзя устоять, при том, что ты некрасив и даже уродлив.

Диего: Заткнись, у тебя собачья морда! (*разговор перерастает в семейную сцену*).

Фрида: А у тебя морда жабы, лицо индейского воина, телосложение японского борца ... Ты страшен и огромен. Задира, враль, неистовый, мстительный и совершенно неотразимый при редком безобразии.

Диего (*многозначительно*): Почему ты не договариваешь, что еще есть у меня? (*бросается к ней с объятьями, но Фрида отстраняет его*).

Картина четвертая

(*Вывеска – «Ла Разито». Диего за барной стойкой с бритой головой пьет виски, танцует фламенко с натурщицей. Звук ударов каблуком об пол*).

Диего (*садится с натурщицей за столик, читает газету*): «Неистовый крестоносец живописи»: «У него телосложение итальянца, подвешенный язык и серьезный вид испанца, цвет кожи и маленькие широкие ладони мексиканского индейца, пронизательный взгляд еврея, многозначительная неразговорчивость русского и качества, присущие ему одному. Он настаивает, что в нем нет ничего от англосакса».

(*в раздумье*) Все это вранье! У того, о ком пишут эти поганые газеты, похоже, даже не было детства. Жизнь началась с живописи и любовной страсти.

Когда мне было шесть, со мной играли обитательницы борделей Гуанахуато, в девять у меня был первый сексуальный контакт с учительницей.

...Моим любимым блюдом были женские ляжки и груди, мозги молодых девушек в укусе (*жует и смакует, демонстрируя, как он поглощает мясо*). Изучая анатомию в Мехико, я уговорил однокурсников есть человеческое мясо по примеру парижского меховщика, который кормил кошек котятками.. ..А еще я любил гигантскую ароматную клубнику, возвращенную на грядке, удобренной человеческими экскрементами.

Натурщица: Какой кошмар! (*съезживается, от отвращения и страха шарахается в сторону*).

Диего (*грубо*): В Париже она дала мне все, что может дать мужчине, а получила от меня все страдания, которые можно причинить женщине. Ангелина Белова из России, к своему несчастью, решила стать моей законной женой....

Натурщица: (*прижимается к плечу Диего, с заинтересованностью*): Похоже, ты непостоянен из-за похотливой страсти к женщинам! Что было дальше, вы поженились?

Диего: Славянка долго писала письма, признаваясь в любви. Потом я страстно полюбил Маревну, она была импульсивная, я писал ее. Я говорил, что не могу больше вынести жизни со своей женой. Ребенок, которого она ждала, – это несчастье, которого я никогда не хотел. Так продолжаться не могло, она либо должна была уехать, либо остаться и быть моей...

Натурщица: Ты сегодня, не на шутку разоткровенничался, я не замечала в тебе склонности к самокопанию. Ох, вижу, не к добру все это! Зачем ты мне об этом рассказываешь, захотелось излить душу? Такого раньше с тобой никогда не было.

Диего *(продолжает, не обращая внимания)*: ... Сам Пикассо заставлял меня ревновать, поглаживая ее живот. Было все: оскорбления, ревность, попытка перерезать горло. Смуглянка Лупе Марин, а ангельское личико Тины Медотти! Я упивался изображением женского тела.

(Натурщица слушает со вниманием).

Диего: Чем сильнее я любил женщин, тем сильнее хотел заставить их страдать. Знаешь, мы хотим пожениться с Фридой.

Натурщица: Кто это? Ты мне про нее не говорил.

Диего *(опускает глаза)*: Не спрашивай, зачем тебе это знать?... Многого тебе не говорил и уже не скажу, потому что я встретил свою богиню *(мечтательно)*. Пожалуй, мне пора. Прощай!

Натурщица: Мы уже никогда с тобой не увидимся, ты больше не придешь? *(Диего молча уходит)*.

Действие второе

Картина пятая

(Дом Фриды. Фрида с отцом. Заходит мать Катильда, как истовая католичка набожно крестится, с недовольством смотрит на дочь. Она явно не в духе).

Катильда *(гневно Фриде)*: Твой жених напоминает толстяка с картины Брейгеля. Голубка и слон! Скоро он преподнесет тебе букет своих пороков. *(Наклоняется к дочери, гладит ее, тон становится мягче)*. Доченька, подумай, он вдвое старше тебя, к тому же атеист, дважды женат, имеет четверых детей от жены и любовницы. Еще не поздно, опомнись! *(Обращается к мужу)* Что ты молчишь, гер Карло, или тебе все равно?

Гильермо: Разве ты не знаешь, что в нашей дочери сидит демон!

(Фрида сбрасывает с себя подвенечное платье, переодевается в наряд индеанки. Надевает юбку в горошек с воланами, блузку и длинную шаль, вешает на шею ожерелье).

Фрида *(обращается к матери)*: Мама, я непременно выйду замуж за этого мачо и рожу ему сына. Я это сделаю, потому что люблю его, все остальное меня не волнует *(плачет)*.

Поздно, тебе меня не отговорить *(взгляд полон любви)*. Диего – моя жизнь. Я без него не могу.

(Входит Диего, он одет по-американски: на нем серый пиджак и брюки, белая рубашка, в руке техасская шляпа).

Гильермо *(отзывая Диего в сторону)*: Учтите, моя дочь – больна и останется такой на всю жизнь. Подумайте хорошенько, если у вас не пройдет охота жениться, я дам согласие.

(Постепенно собираются гости, начинается свадьба. Подруга Фриды Чавела Варгас в красном пончо с гитарой, она поет. Раздаются крики: «Горько, горько!» Диего снимает шляпу и целует Фриду).

Гильермо *(неожиданно встает со своего места)*: Господа, разве все это не напоминает комедию?

(Все на минуту замолкают. Затем веселье и празднество продолжается. В зал врывается бывшая жена Диего).

Лупе Марин *(изрядно пьяна)*: Я хочу его поздравить, пустите меня *(порывается облобызать Диего, ее не пускают)*.

Гильермо: Иди домой, Лупе, к детям. Тебе нечего делать на нашей свадьбе, ведь тебя не звали. Я насквозь тебя вижу и не позволю разыгрывать комедию.

(Улучив момент, Лупе подбегает к Фриде, задирает подол ее платья и визжит на весь зал).

Лупе Марин: И вот на такие-то спички, Диего, ты променял мои ноги!.. *(поднимает свою юбку, демонстрируя ноги в подтяжках)*.

Чавела *(угрожающе)*: Вон отсюда, мерзавка! Своей свадьбы не было, так ты на чужую зариться пришла. Не смогла удержать мужчину – никто тебе не виноват, пеняй на себя! *(Лупе под руки уводят. Гости шокированы, но никто не расходится. Торжество превращается в попойку).*

Ночь. Диего пьян, палит из револьвера куда попало, ранит одного из гостей. Вновь появляется Лупе. Фрида в гневе запирается в соседней комнате, там же оказывается и Лупе. Диего взбешен, все бьет и крушит на своем пути).

Диего *(тарабанит кулаками в дверь, угрожает)*: Выходи оттуда немедленно, Фрида, а то я вышибу дверь. Я хочу тебя!

Лупе Мартин *(в стельку пьяна, ее язык заплетается, Фриде)*: Я научу тебя готовить его любимые блюда. Диего завтракает обычно в мастерской. Еду туда приноси в корзинке, накрой салфеткой с надписью: «Я тебя обожаю». Так делают крестьянки, он это очень любит.

Фрида: Он Дон Жуан, у него было столько женщин, никакую юбку не пропустит... Не знаю, смогу ли я выдержать все это. Что меня ждет в будущем, даже не представляю!

Лупе Мартин *(успокаивает Фриду)*: С ним будет нелегко, но я помогу тебе *(они пьют текилу и курят)*. Ко мне он уже никогда не вернется и не будет моим, как раньше *(с надрывом в голосе, то и дело всхлипывая)*. Надо же чтобы на этом свете хоть кто-нибудь был счастливым! Это будешь ты *(засыпает, подложив под голову руки)*.

Картина шестая

(Мастерская. Диего за мольбертом, ему позирует Фрида. Затем они садятся обедать).

Диего: Что у нас на сегодня? Обед с диковинной птицей! Ты блистаешь как павлин, который распустил свой яркий хвост. Очень хочется схватить тебя за него и не отпускать. Это меня отвлекает от работы *(закрыв на ключ дверь, приближается к Фриде)*.

Фрида: Все натурщицы были твоими любовницами за исключением меня *(с гордостью)*. Меня не проведешь, я насквозь вижу небрежные мазки... *(Фрида и Диего целуются. В этот момент в дверь стучат. Слышится голос: «Вам письмо»)*.

Диего: Вот идиоты, не дают работать! Что еще за письмо?

(Диего берет подsunутое под дверь письмо, распечатывает его, читает, обращаясь к Фриде): Из Америки, от директора Института искусств в Детройте – заказ на фреску. Консультант Рокфеллера хочет устроить в Музее мою выставку. К тому же предлагают 10 000 долларов за сотню квадратных метров... Что скажешь?

(Фрида не реагирует). Думаю, надо предложить расписать всю поверхность по той же цене за метр, выручим неплохие деньги – 20 000 долларов. Ты, вижу, совсем не рада? *(Фрида продолжает молчать)*. Нам нужны деньги, надо срочно ехать в Нью-Йорк.

Фрида: Я очень рада за тебя, но у тебя и здесь много заказов!

Диего: Все будет, как ты хочешь. Милая, я люблю тебя.

Фрида *(радостно обнимает Диего)*: Любимый, конечно, поедem, я счастлива.

Диего *(вдохновенно жестикулируя)*: Это Америка новой эры! Мои картины оплодотворят американскую революцию!

Фрида: Ты уже знаешь, какими будут фрески?

Диего: Два оттенка красного и синего, четыре зеленого. Желтый. Белый. Черный. Пурпурный.... Это будет грандиозная работа, я найму ассистентов, рабочих...

Картина седьмая

(Нью-Йорк. Диего и Фрида в сопровождении американца осматривают помещение. Фрида в облике китаянки, на ее голове – абажур).

Диего: «Пресные копии росписей в Мехико... культура американских индейцев – плетеные корзинки и лоскутные одеяла!»... Что пишут идиоты! Эти наглые газетчики смеют так говорить о нашей культуре, ничего в ней не понимая. Вы не представляете, как я зол! *(рассматривает изображение на стене)*.

Американец: Мы доверяем вашему художественному вкусу и чутью, никаких ограничений в искусстве быть не может.

Диего: Достаньте пылесосы и избавьтесь от орнаментальных излишеств жульнического стиля! Очиститесь от фальшивых традиций и страхов, станьте самими собой. Я вам покажу, как это лучше сделать. *(Обращается к американцу)*: Подготовьте стену для росписи *(с энтузиазмом)*. Ни одна из построек не может соперничать с этой. Здесь все: энергия, печаль, слава и юность континента.

Фрида (*уводит его, с яростью*): Всегда говорила, что этот город – громадная, загаженная и неудобная клетка для кур. Нам нечего тут делать, мне невыносимо душно, я здесь просто задыхаюсь. В Америке слишком тесно, чтобы заниматься живописью.

Диего (*американцу*): Моя жена и Карл Маркс вылечили меня от причуд и излишеств моего барочного периода.

Американец (*обращается к Фриде*): Как Диего проводит свободное время?

Фрида (*невозмутимо*): Занимается любовью! (*Американец смеется. Все расходятся. Фрида и Диего остаются одни*).

Фрида: Пока я здесь, моя мать умирает от рака. Матильда и Кристина не пишут мне ни строчки, я измучена. Любимый, давай уедем отсюда.

Диего: Милая, граф Хантингтон и его жена сняли квартиру по соседству, будем приглашать их на ужин, будем ходить в театр, ты не будешь скучать.

Фрида: Если я не уеду отсюда, у меня будет выкидыш.

Диего (*нежно обнимает Фриду, кладет руку на ее живот*): Этот росток в виде полноценного ребенка, а не зародыша. Это будет дитя Детройта.

Фрида (*решительно*): Я должна вернуться в Мексику и рожать дома, в Койоакане.

Картина восьмая

(Некоторое время спустя. Здание Центра Рокфеллера. Фреску Диего, на которой изображен Ленин, рассматривает представитель заказчика. Тут же Диего и Фрида).

Американец (*непреклонно*): Вам следует убрать фигуру Ленина и заменить ее на более подобающую. Пусть будет кто угодно, только не он. Таково наше требование, мне поручили довести это до вашего сведения.

Диего: ...десятки миллионов узнали, что богатейший человек страны приказал уничтожить портрет Владимира Ильича, потому что художник изобразил его как лидера, который ведет угнетенных к новому порядку.

Американец: Мы согласны, пусть это будет просто человек из народа.

Диего: Разве художник не вправе самостоятельно выбирать модели для своих произведений? Если портрет великого человека может оскорбить чувства неких людей, то этих людей при их образе мыслей должен оскорбить творческий замысел в целом.

Американец: Я еще раз повторяю, вы должны убрать со стены эту скандальную фигуру. Если вы этого не сделаете, это сделаем мы, фреска будет уничтожена. Таково наше условие.

Диего: Не позволю уродовать мое произведение, пусть лучше его полностью уничтожат, чтобы хотя бы сохранить его моральную целостность... (*американец разводит руками*).

Если какой-то миллионер купил Сикстинскую капеллу, где находится творение Микеланджело... Имеет ли он право уничтожить фрески Сикстинской капеллы? (*набрасываясь на американца*). Я вас спрашиваю?

Фрида: Что они себе позволяют, эти мерзавцы! Они не знают, с кем имеют дело! Дорогой, успокойся, эти сволочи не стоят и твоего мизинца.

Диего (вдохновенно): Кто сказал, что революция не нуждается в искусстве, а вот искусство нуждается в революции. Неправда! Для революционера искусство – не возбуждающее средство, не допинг, а продукт, питающий нервную систему, необходимый для борьбы, такой же, как пшеница. *(Вооруженные охранники силой выводят Диего из здания).*

Фрида: Уедем, Диего, в Мексике ценят твой талант, здесь тебя растопчут.

Диего (возмущенно Фриде): Если фрески будут уничтожены, это причинит мне боль, ведь я не просто художник, а и человек... Завтра я займусь другой работой *(решительно)*. Дерево цветет и плодоносит, оно не ропщет, когда теряет листву, потому что знает, что в будущем году снова будет цвести и плодоносить.

Картина девятая

Мастерская. Сон Фриды.

(Фрида туго обматывает вокруг горла свои длинные черные волосы. Покраснев, задыхается от удушья.

Она садится на табурет, берет в руки ножницы и начинает срезать свои волосы, отбрасывая их в сторону. Вокруг нее мечутся тени Иуды, который висит на огромном шесте. Кажется, что клоки ее волос – это черные птицы, вороны, они каркают. Фрида отбивается от них, хромя и припадая на одну ногу, начинает с ними сражаться.

Она медленно ставит табурет посередине комнаты, становится на него, привязывая к люстре веревку. Табурет раскачивается. Фрида поднимает свою юбку, долго внимательно изучает перевязанную ногу).

Фрида: Моя кровь – чудо, она путешествует по венам воздуха из моего сердца.

Реальность хуже сна, хочу убить себя... *(раздается стук в дверь)*. За мной следят ...

(озирается по сторонам). Да, моя вина, огромная, как боль. Оставьте меня, идите прочь, мне не нужны соглядатаи!

(Фрида падает со стула).

Чавела: Фрида, Фрида, открой, это я!

(Фрида просыпается).

Действие третье

Картина десятая

(Больничная палата. Фрида закована в ортопедический корсет, в ее руках – зеркало, кисть, она рисует на своем корсете, который ярко расписан. На ее лбу нарисован

красный цветок. Заходит Диего).

Диего (*бросается к Фриде*): **Такая бледная, потеряла много крови.** ..Ты с диадемой из человеческих сердец, как Бог луны и ночного неба Тескатлипоки (*смотрит на ее лоб, а затем рассматривает корсет*).

... Расписала себя как Сикстинскую капеллу, твой корсет – поистине шедевр!

Фрида: Да, я в шкуре освежеванного ягуара, утыканной зеркалами, отражающими звезды.

Мой благоухающий цветок, похоже, уже никогда не распухнет, поэтому я нарисовала вот этот (*указывает на свой лоб*)... Дерево надежды, стой прямо!

Диего: Хочу нырнуть под твой корсет и никогда не выбираться оттуда. ...(*Диего становится перед ней на колени, припадая к ее груди*). Буду любить тебя, даже если никогда его уже не снимешь ...

Ты – картина, которую я рисую на холсте и в воображении. Этому рисунку не дано исчезнуть. Я тот художник, который всегда будет рисовать твою жизнь. Я не могу без тебя, мы пропитаны друг другом Пришел второй раз сделать тебе предложение. Пока горела моя сигара, я видел мельницу, как только она погасла, потерял дорогу.

Фрида (*плачет*): Ты говоришь это после всех скандалов и нашего шумного развода? (*Пауза*) Сейчас с тобой две Фриды. Одна говорит: «Да», другая: «Я подумаю». Одна – растерзанная, у которой в душе лишь боль и смятение. Другая – счастливая и благодарная – идет на твой зов. Мы две Фриды... Я подумаю над твоим предложением, Диего.

(Девушка-видение поднимается с соседней кровати и скрывается в глубине сцены.

В дверях появляется Чавела. Диего уходит).

Чавела: Ой, Фрида, какой у тебя чудесный корсет! (*рассматривает его*). Ты рисуешь бабочек?

Фрида: Вчера меня посетил коллекционер Хайнц Бергтрюэн. Этого богатого американца тоже интересовал мой корсет, помнишь тот, с эмбрионом, серпом и молотом. Теперь корсет – моя одежда, мой наряд, который подарила мне моя болезнь... Все приходят посмотреть на меня как на экспонат. Даю бесплатные спектакли... (*пауза*).

Чавела: Это не так уж плохо..

Фрида: Мне приснился отец, он предсказал, когда я умру... По ночам я вижу, как смерть танцует вокруг моей кровати. Я тоже хочу танцевать... Ад в моих ногах и у меня в изголовье... В очередной раз надеялась создать свою лучшую картину – маленького крикуна Диегито, но все вышло по-другому. Теперь остается перенести то, что случилось. Не хочу об этом говорить. Внутри столько боли, что не хочется дышать.

Чавела: Я все знаю. Прощу тебя, успокойся. Ты перенесла такие страдания, не стоит рассказывать об этом и переживать случившееся заново. Ах, Фрида, придя на землю, ты выбрала самую большую корзину, но не заглянула в нее, до верха набитую болью.

Фрида: Бог дает нам ровно столько, сколько мы можем выдержать. Страдание – железный плуг, который скульптор вставил внутрь глины: оно поддерживает, оно – сила. Но если так будет продолжаться, то лучше бы меня убрали с этой планеты... *(плачет)*.

Чавела: Похоже, горе и наслаждение – это один способ существовать...

Фрида: Одно хорошо: начинаю привыкать к страданию. Для того и пью, что ищу сострадания и чувства. Не веселья, а скорби ищу... Пью, потому что хочу страдать! *(достает из-под кровати бутылку текилы)*.

Никогда, никогда
Я не забуду, кем он был для меня.
Он подобрал меня, когда я была разбита
И собрал меня заново
На этой слишком маленькой земле.

Чавела *(успокаивает ее)*: Не мучь себя *(пытается сменить тему)*. Вы договорились с Хайнцем?

Фрида *(оставляя вопрос без ответа)*: У меня был Диего, сделал предложение.

Чавела: Ты отказала?

Фрида: Сказала, подумаю. Думаешь, после всего, что случилось, стоит устроить свадьбу, после того, что я застала его с моей сестрой Кристиной?... Но я не могу его забыть *(плачет)*.

Чавела: Господи, какой ужас, ведь я ничем не могу тебе помочь!

Фрида *(грубо)*: Я дала ему все, что может дать женщина, взамен получила от него одни лишь страдания. Это его слова.

Чавела *(прижимает Фриду к своему плечу, успокаивая)*: Не можешь его простить и первая сделать шаг навстречу?

Фрида: Не знаю, я любила его. Я не раз говорила ему, что не могу больше выносить его многочисленных любовниц, всему есть предел. Я тогда ждала ребенка... Никогда ему этого не прошу... Любовь внутри меня, я ее не выпускаю наружу, как и свою боль. Они во мне, я их там запечатала.

Чавела: Ты всегда была с ним в состоянии войны, но вас многое связывает. У тебя будет время обо всем хорошенько подумать.... Развод не положил конец твоим страданиям. Разве ты не страдаешь?

Фрида: Кто дышит, тот должен плакать. ..

Знаешь, я в такой тоске, что не могу рисовать, только разрисовываю свои корсеты. В том, что случилось, есть моя вина.

Я многое смогла,

Я смогу ходить,

Я смогу рисовать.

Я люблю Диего больше,

Чем люблю себя

(нервно рисует на пододеяльнике).

Чавела: Это всего лишь пододеяльник, что ты делаешь?

Фрида: погоди, дай закончить *(заканчивает рисовать)*. Это тебе от меня, будет память. Подошло время, пора уже писать завещание. Надо обо всем позаботиться заранее...

Чавела: Не говори глупостей! Как необычно, на такое способна только ты! Ну, тогда уж распишись *(Фрида ставит свою подпись, пауза)*.

Фрида: Что нового дома?

Чавела: Все по-прежнему. Я, цветы и растения, птицы, обезьяны, попугаи, собаки и твой фонтан – ждем тебя. Коммунистический «иконостас» от Маркса до Мао тоже дожидается тебя.

Фрида: Завтра обещают перевести на домашнее лечение. С корсетом я, кажется, срослась намертво *(с горечью)*. Попробую еще раз родиться на свет ...теперь в инвалидной коляске *(пауза)*. Чавела, давно не слышала твой голос, спой для души, она умирает *(Чавела поет)*. *(Фрида засыпает. Ей снится, что они с Чавеллой танцуют фламенко. Потом она остается одна перед зеркалом)*.

Фрида: Диего во всем... В слюне, в бумаге, в каждой линии, в каждом цвете, в моей груди, снаружи и внутри... во всем: в глупом и прекрасном ДИЕГО в моей моче, ДИЕГО у меня во рту, в моем сердце, в снах, на кончике пера, в пейзажах, в пище, в воображении, в болезнях, в глазах, на его губах, в его лжи.

Диего – начало, Диего – создатель, мое дитя, суженый, Он – мой любовник, муж, друг, Диего – моя мать, мой отец, мой сын.

Картина одиннадцатая

(Монпарнас, вдали видна Эйфелева башня. Коротко остриженная Фрида в мужской одежде с Тиной заходит в питейное заведение, где стоит столбом дым, там собираются художники. Тина пропускает Фриду вперед, суетится, фотографируя ее. Обе садятся за столик).

Тина *(указывая на мужчину, сидящего за соседним столом)*: Это торговец картинами Воллар.

Фрида *(с усмешкой)*: Иду по стопам Диего, он испытал в его галерее потрясение от Сезанна.

Тина: Как это на него похоже! Этот Принц-жаба помешан на искусстве, Ленине и Троцком, но таланта у него не отнять. Однако он не стоит того, чтобы о нем так сокрушались! *(пауза)*.

Кстати, твою работу приобрел Лувр! Твоя выставка в Париже имела успех, ты по-настоящему талантлива. Сам Пикассо сказал, что ни он, ни Диего не умеют рисовать лица как ты.

Фрида (*отстраненно*): Мне не нравятся иностранцы. Они скучные, у них лица как непропеченные булки.

(К ним присоединяется мужчина, он с интересом разглядывает Фриду, прислушиваясь к тому, о чем говорят подруги).

Тина (*наклоняясь к Фриде, шепчет*): Похоже, ты еще нравишься мужчинам, да еще каким! И это немудрено, у тебя всегда в одной руке – неизменная сигарета, во второй — бутылка текилы, в волосах — цветок, в смехе — радость и ирония (*смеется*).

Фрида (*нервно закуривает сигарету*): Мне сейчас очень нужны деньги на лечение, но я не приму их ни от одного мужчины, пока жива. Думаешь, мне помогает Мюррей? Ник – мой друг.

Тина: Давай потом это обсудим. Текила на тебя дурно влияет. Это скульптор-авангардист Исаму Ногути, у него студия в Париже.

Фрида (*в сердцах*): У Диего был роман с Луизой Невелсон...она скульптор.

Тина: Дался тебе этот Ривера, что ты все о нем талдычешь. Расслабься, ты на Монпарнасе.

Фрида (*затягивается сигаретой*): Ненавижу этот чертов Париж и парижских художников, от Европы и профессионалов интеллектуального бунта меня отделяет пропасть. Франция не слишком отличается от Гринголандии, которую я с Диего повидала в Сан-Франциско, Детройте, Нью-Йорке. Мне ничего не надо, его нет рядом со мной.

Тина: (*шепчет Фриде, показывая на Исаму*): С ним нужно по-английски.

Фрида: ...Не могу выносить этих чертовых интеллектуалов, сил моих нет. Лучше сидеть на земле и торговать лепешками в Толуке, чем иметь дело с парижской «художественной» сволочью. Такие вот интеллектуальные сукины дети, бездарности породили всех этих Гитлеров и Муссолини.

Исама: Я понимаю по-испански. (*Фрида вопрошающе смотрит на Тину*). Как говорил кубист Брак, у мексиканцев чувства деформируют мысли, естественно, формируют их. Я сам это наблюдал (*улыбается*).

Тина: Вы интересуетесь Мексикой?

Исама: Хочу создать фреску «История Мексики» и отправиться добровольцем в индейскую резервацию в Аризоне (*пауза, не сводит глаз с Фриды*). Работы вашего мужа кажутся мне интересными. Хотел бы с вами поужинать.

Фрида (*не обращает на него внимания*): Они думали, что я сюрреалистка, но я не была ею. Никогда не рисую сны или кошмары, я рисую собственную реальность, себя, потому что много времени провожу в одиночестве и являюсь той темой, которую знаю лучше всего.

... *Пыталась утопить свои печали, но эти ублюдки научились плавать...*

Исама: Ваш друг Андре Бретон, «отец сюрреализма», назвал Мексику сюрреалистической страной чистого совершенства.

Фрида: Этот сукин сын не сумел даже как следует организовать мне встречу, он поселил меня в одной комнате со своей дочерью.

Исама: Не мудрено, что Кандинского потрясла ваша живопись, по его лицу текли слезы. Они имеют ваш привкус. Ваши портреты украшают обложки французских журналов, Вы – сама экзотика!

Тина: Сама Скиапарелли создала платье «Мадам Ривера» и к нему специально духи.

Исама (Фриде): Вы ими душились, как они пахнут? *(наклоняется к ней)*.

(На гипсовом панно, на котором упражняются, создавая фрески, Фрида пишет: «Уродина», затем швыряет его на пол и разбивает).

Фрида: Не люблю гринго, с их душевным складом и омерзительным пуританизмом. Меня раздражает, что в человеке больше всего ценится честолюбие, презираю чванство *(уходит, хлопнув дверью, Исама молча выходит вслед за ней)*.
(Две Фриды – одна в женской одежде, другая в мужской манят его за собой).

Картина двенадцатая

(Фрида в постели. На ее голове корона из кос, украшенных цветами. В углу – инвалидная коляска. Рядом на кровати лежит протез в нарядном красном ботинке и железные растяжки для позвоночника).

Видение Фриды. *Полуявь, полуреальность. Фрида вальсирует в инвалидной коляске).*

Фрида *(сидя перед зеркалом, пишет и читает написанное):* ...Мне отрезали ногу, таких страданий я не испытывала никогда, в организме все нарушилось, даже кровообращение. Если бы попросили выразить мое состояние одним словом, я бы выбрала слово «горечь». Прошло шесть месяцев, а я все еще здесь и люблю Диего больше чем когда-либо. Только бы с ним ничего не случилось! Если бы Диего умер, я последовала бы за ним. Жить без него я не смогу. Он – мое все.

(в раздумье) ...В моей жизни было две страшных катастрофы. Первая – автомобильная авария, которая навсегда искалечила меня. Вторая – Диего. Мой крылатый Диего, моя тысячелетняя любовь.

Никто никогда не поймет, как я его люблю. Я хочу только чтобы никто не ранил его и не беспокоил, не лишал энергии, которая нужна ему, чтобы жить так, как ему нравится... Если бы у меня было здоровье, хотела бы отдать его Диего...

(Входит Диего).

Фрида (*смутившись*): Ты так скоро вернулся? Я не ждала. Теперь, когда мне не с кем говорить, взялась писать дневник. Написала тебе письмо, вот (*протягивает письмо*) возьми, если хочешь. Мои дневники прочтешь потом сам, оставлю их тебе.

Диего (*берет и читает вслух*): «Дорогой мой, не забывай, что, после того, как ты закончишь работу, мы будем соединены навсегда, без ссор и прочего, просто чтобы любить друг друга очень сильно. Веди себя хорошо. Люблю тебя больше, чем когда-либо раньше. Целую. Твоя маленькая послушная девочка Фрида. Напиши мне».

Диего (*подыгрывая ей*): Хорошо, моя маленькая послушная девочка, буду вести себя хорошо и напишу тебе сразу после того, как проведу одну молодую прелестную особу (*целует Фриду, она прижимается к нему, уткнувшись лицом в его одежду*).

Фрида: Всюду пахнет лекарствами! Этот запах меня преследует. Я не страдаю, только усталость, и часто охватывает отчаяние. (*Диего помогает ей сесть в инвалидную коляску*) ... В коляске я пробовала вальсировать и у меня это даже получилось, сейчас я тебе продемонстрирую (*пробует вальсировать в коляске*)... Смеюсь над смертью, чтобы она не отняла то лучшее, что есть во мне...

Диего: Тебе опять кололи морфий?

Фрида: Да, чтобы могла заниматься живописью. До сих пор я изображала собственную персону, а это не то искусство, которое может быть полезно народу.

Диего: Я знаю, моя любимая, ты сильная! Мир движется вперед благодаря тем, кто страдает. У тебя сильная душа, потому ты и страдаешь больше других. Страдание ведет к высотам. Ты сама не раз говорила, что ничего не бывает по-настоящему черным, ни-че-го.

Фрида: Пожив внизу, узнаешь, как опасно карабкаться наверх. Побыв в темноте, знаешь, как ярок солнечный свет. Храня покой, узнаешь, как много сил тратят те, кто находится в движении.

(*с размаху резко ударят ножницами по своему протезу*): Не мое тело! Только одна (*показывает свою ногу*), другая точка поддержки уже мертва. Я хочу две, чтобы было две. Я должна это иметь, чтобы ходить! (*пауза*). А впрочем, для меня крылья – более чем достаточно. И эту надо отрезать, тогда я полечу, Диего! (*протягивая ему кольцо*): Это тебе подарок к двадцатипятилетию нашей свадьбы.

Диего: Почему ты делаешь это за семнадцать дней, еще ведь рано?

Фрида: Потому что чувствую, что скоро покину тебя и полечу... (*Фрида засыпает. Во сне она парит над сценой, ее нога отделяется от ее тела и летит в пространство*).

Картина тринадцатая

(*Выставка картин Фриды. Друзья и поклонники, Диего, Тина (на ней тот же самый наряд, что был 25 лет назад при встрече с Фридой и Диего)*).

Тина: Фрида запечатлела на холсте свои переживания и чувства... Как бы ей хотелось сейчас увидеть все это своим глазами! (*делает фотографии*).

Человек в маске смерти (*череп, в глазницы которого вставлены цветы*): Невероятное упорство, с которым она пыталась все преодолеть... Такая боль просвечивает сквозь все это!

Диего (*стоя у картины «Рождение Фриды»*): Она превращает свою боль в искусство. В работах нет жалости к себе, в них – сила. Это единственный случай, когда художник разорвал сердце. Из потока крови возникает маленькая Фрида (*пауза*). Никто еще не изображал собственное появление на свет с таким реализмом. Чтобы создать настоящее искусство, нужно страдать.

Голос из зала: Сама Фрида приедет?

Человек в маске: Врачи запретили, она уже не встает, но все же обещала быть.

(У входа шум, толпа расступается).

Голоса: Фрида, Фрида! Пройдите вперед, освободите дорогу, пропустите. Это Фрида Кало.

(На большой кровати как на носилках вносят лежащую Фриду. На ней наряд женщины племени теуана. Волосы уложены, в косу вплетены алые розы, на пальцах – кольца. Рядом идет Чавела. Фриду обступают гитаристы, начинают петь фламенко, танцуя. Происходящее отражается в зеркале, укрепленном наверху, в нем видна сама Фрида).

Фрида: Мои дорогие, вы не будете возражать, что тут прилегла?

(В руках Фриды разрисованный сахарный черепок, на лбу которого написано: «Фрида». Она поет веселые песенки под аккомпанемент оркестра, курит и пьет. Раздаются возгласы:

– Браво, Фрида, ты великолепна.

Фрида сидит, как будто задумавшись о чем-то, упершись о спинку кровати. Почувствовав что-то неладное, подходит Диего, он берет ее за руку и тотчас отшатывается).

Диего (*громко произносит на весь зал*): Фрида умерла!

(Немая сцена, воцаряется тишина).

(Звучит фламенко. Гаснет свет, освещаются отдельные картины Фриды. Звучит ее голос).

– Зеркало! Палач моих дней, моих ночей... Оно изучало мое лицо, складки простыни, очертания предметов. Я чувствовала на себе его пристальный взгляд. Я видела себя. Фрида изнутри, Фрида снаружи, я везде, я без конца...

(В темноте высвечивается картина, где Фриде два года, на ней ее родители):

«Мои прародители, мои родители и я». ... Я родилась вместе с мексиканской революцией. Меня кормила индейская няня, чьи груди омывали каждый раз, как только я просила молока.

Мне было четыре, мама открыла окна, выходящие на улицу Альенде, ипустила саматистов. Раненые, голодные, они прыгали через окна в гостиную. Нас было четыре сестры.....

(Высвечивается картина, где Фрида с соломенными крыльями) ... Чтобы представить ангела, родители надевали на меня белое платье и соломенные крылья, приделанные с помощью лент, которые спускались с неба. Эти крылья я так никогда и не надела.

...Если мы – не цвета, ароматы, наш народ, то кто мы? Ничто. Для меня не существовало полутонов, я должна была получить все или ничего.

...Хочу, чтобы сожгли это предательское тело. Не хороните меня, я и так слишком много лежала. Мечтаю уйти радостно и никогда не возвращаться. Да здравствует жизнь!

(Все подходят к застывшей Фриде и молча кланяются ей, как кланяются актеры в конце спектакля.

Занавес закрывается. Выходит Фрида, остальные выходят после продолжительной паузы).

Занавес